

Ю. Г. ОКСМАН

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ¹

1

В своей статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс»². Те же мысли развивал Ленин и в статье «Из прошлого рабочей печати в России»³. Подчеркивая опромную разницу между «глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века», с одной стороны, и «дворянской революционностью декабристов», с другой, Ленин диалектически выявлял и *классовую ограниченность* декабристов и *революционную сущность* их движения.

Декабристы впервые подняли знамя открытой борьбы с крепостным правом и его политическим стражем — самодержавием. Отсюда и высокая оценка *исторического* значения выступления декабристов: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма», —

---

¹ Публикуемая работа покойного Ю. Г. Оксмана (в 1947—1958 гг. профессора Саратовского университета) была написана в Саратове в 1950 г. к 125-летию со дня восстания декабристов как лекция для студентов и аспирантов. На первой странице машинописи карандашная пометка автора: «Завтра, 26 декабря по нов. стилю, 14 декабря по старому, исполнится 125 лет со дня восстания декабристов». Лекция эта читалась в Саратовском университете в 1950—1957 гг. Основные положения работы были высказаны в докладе Ю. Г. Оксмана на VII Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в 1955 г. (см. Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, т. XV, 1956, вып. 1, стр. 86).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93; т. 113, стр. 356.

говорил Ленин на собрании рабочей молодежи в 1917 г., в день памяти 9 января 1905 г.⁴

Движение декабристов как революционное движение объективно связано с национальным подъемом 1812—1814 гг.: «Наполеон вторгся в Россию, — отмечал в своих показаниях декабрист А. А. Бестужев, — и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России».

Отечественная война явилась сильнейшим возбудителем политической мысли декабристов и молодого Пушкина. На лицейской скамье восприняты были им такие могущественные впечатления, как вторжение Наполеона в Россию, Смоленск и Бородино, сожжение Москвы, национальный подъем 1812 г., народное ополчение в борьбе с оккупантами, освобождение родины, крушение наполеоновских замыслов мирового господства, освобождение русскими войсками поработенной Европы, взятие Парижа. По окончании лицея Пушкин очень быстро и политически и литературно отмежевывается от своих старых товарищей по Арзамасу и ищет путей к Катенину, политическому лидеру первых тайных организаций декабристов, автору первой русской имитации «Марсельезы»:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода, Свобода!
Ты царствуй над нами.
Ах, лучше смерть, чем жить рабами:
Вот клятва каждого из нас.

Арзамасец А. И. Тургенев, внимательно наблюдавший молодого Пушкина после выхода его из лицея, с негодованием отмечал в письме от 12.XI.1817 г. к Жуковскому «вкус» Пушкина к «площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, XVIII-го столетия».

«Площадное вольнодумство», т. е. не абстрактно-кабинетный либерализм, а политическая активность, связанная с площадью, с народной массой.

Друзья, немного снисхожденья,
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак.

Эти строки из послания Пушкина «Товарищам» перед выпуском из лицея («Прощайте, годы заточенья») очень характерны. Пушкин перед выходом из школы не думает ни о гражданской службе, ни о военной («Не рвусь я грудью в капитаны, И не ползу в ассесора»), желая сохранить свою политическую независимость, олицетворяемую «красным колпаком» якобинца. Этим положением он очень, видимо, дорожит, хотя и понимает, что ставит себя под угрозу репрессий—сдачу в солдаты («Пока его за прегрешенья Не променял я на шишак»). Речь шла здесь не о каких-либо конкретных литературных произведениях большого социального звучания (таковых в портфеле молодого поэта еще не было), а об общей линии политического поведения, об отношении к крепостническому государству и его официальным представителям. Поднятое декабристами знамя открытой, политически осмысленной борьбы с существующим режимом явилось знаменем и Пушкина. Из ближайших товарищей его по лицу двое — Пушин и Вальховский с 1817 г. были членами Союза Спасения, затем Союза Благоденствия и Северного Общества; третий — Кюхельбекер с оружием в руках выступил 14 декабря на Сенатской площади.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

Пушкин связан был давним личным знакомством со всеми вождями декабризма, с организаторами их первых конспиративных объединений — Никитой Муравьевым, М. Ф. Орловым, Н. И. Тургеневым, С. П. Трубецким, Пестелем и Рылеевым. Из членов Союза Спасения и Благоденствия Пушкин близко знал Ф. Н. Глинку, Лунина, Якушкина, Я. Н. Толстого, был дружен с Чаадаевым и Кавериним. С 1817-го года Пушкин был знаком с С. И. Муравьевым-Апостолом, а с 1820-го — с М. П. Бестужевым-Рюминым, руководителями восстания Черниговского полка. В Кишиневе Пушкин очень близко мог наблюдать широкую пропагандистскую работу, развернутую в войсках 16-ой пехотной дивизии В. Ф. Раевским, К. А. Охотниковым, П. С. Пущиным. Все эти люди тогда же стали его друзьями. В Каменке Пушкин познакомился и подружился с В. Л. Давыдовым, в Одессе — с С. Г. Волконским. С 1821 года Пушкин поддерживал деятельную переписку с А. А. Бестужевым. Я перечисляю имена только ведущих деятелей тайных организаций 1810-х — 1820-х гг., ибо полный список декабристов — знакомцев Пушкина должен был бы включать около полутора ста фамилий.

«Я был в связи с большею частью нынешних заговорщиков», — признавался Пушкин в письме к Жуковскому, писанному через несколько недель после 14-го декабря.

«Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков», — повторял Пушкин 10.VII.1826 г. Вяземскому, а 14.VII писал ему же: «Повешенные — повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей — ужасна».

«В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена, а может быть и умножить число жертв, — писал Пушкин в 1830 г. — Не могу не сожалеть об их потере, я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, откровенностью дружбы или короткого знакомства».

Почему же, однако, эта «откровенность дружбы или короткого знакомства» не перешла у Пушкина в более тесную организационную связь? Почему Пушкин, варясь больше восьми лет в декабристском соку, являясь крупнейшим выразителем настроений декабристской интеллигенции, ее подлинным поэтическим трибуном, автором произведений, «партийная» направленность и агитационно-пропагандистская функция которых не вызывает никаких сомнений, почему он все же *не был членом* тайного общества и не получил тем самым формальных прав на включение ни в официальный николаевский «Алфавит декабристов», ни в позднейшие дополнения к нему?

Этот вопрос в течение многих десятков лет занимал современников Пушкина и несколько поколений его биографов и исследователей.

Вопрос о Пушкине-декабристе еще более сложен, чем проблема «Грибоедов и декабристы», ибо автор «Горя от ума» сам, как известно, уклонялся от вступления в Тайное общество, а Пушкин, добываясь этой чести и в 1817, и в 1819, и в 1820, и в 1825 гг. (см. такие авторитетные свидетельства об этом, как записки декабристов И. И. Пущина и И. Д. Якушкина), формально оставался все же, так сказать, «вне партии». Но только ли Пушкин и Грибоедов из ведущих представителей передовой общественности 1810-х годов оказались вне тайного общества? Так ли уж парадоксален и неожидан этот факт, каким он сейчас представляется нам, механически переносящим в условия 1810—20-х годов наши представления о формах партийной работы и методах политической борьбы? Для уяснения вопроса о причинах «беспартийности» Пушкина и Грибоедова нам недавно пришлось внимательно пересмотреть как основные следственные дела декабристов, их письма и мемуары, так и важнейшие материалы о ведущих общественных деятелях, поэтах, писателях и уче-

ных первой четверти XIX столетия. Эти документы позволили установить, что членами тайного общества не были, несмотря на свой политический активизм, личную и идеологическую близость к декабризму, не только Пушкин и Грибоедов, но и такие известные «либералисты» (по терминологии Карамзина) этой поры, как Н. И. Гнедич, как профессор Куницын, как кн. П. А. Вяземский, дипломаты С. И. Тургенев и Н. И. Кривцов, журналист Греч, поэт и переводчик Шишков 2-й. Лишь в самом конце 1818 г. вступил в Союз Благоденствия будущий его вождь Н. И. Тургенев, только в 1821 г. стал членом Тайного общества П. Я. Чаадаев, только в 1823 г. принят был в Северное общество Рылеев, дебютировавший сатирой «К временщику» еще в 1820-м году, автор общеизвестных «Дум» 1821—1823 г.; только в 1824 г. стал членом Северного общества А. А. Бестужев; только за три недели до восстания принят был в Общество В. К. Кюхельбекер, революционная направленность писаний которого не вызывала никаких сомнений с 1817 г.

Все эти факты очень многозначительны и решительно не позволяют вне конкретных условий формирования и развертывания работы тех или иных тайных организаций 1810—1820-х годов характеризовать положение Пушкина в ряду декабристов, из которых очень многие к тому же сами оказываются декабристами очень позднего призыва.

Историки либерально-дворянского лагеря, вольно или невольно фальсифицируя политическую биографию Пушкина, факт формального неучастия его в декабристских тайных организациях толковали как доказательство отсутствия органических связей Пушкина с революционным подпольем, как показатель, с одной стороны, известного недоверия декабристов к Пушкину и, с другой, как сознательное нежелание поэта подчинять линию своего общественного и литературного поведения программе и тактике Союза Благоденствия, Южного и Северного тайного общества. В плену либерально-дворянской концепции биографии Пушкина оказалась и буржуазная историография, и историография народническая, и все писания о Пушкине вульгаризаторов марксизма. Разница была только в том, что либералы с глубоким удовлетворением подчеркивали факт отсутствия имени Пушкина в «Алфавите декабристов», а народники и вульгарные социологи, на основании тех же данных, с «душевным прискорбием» деквалифицировали политическую лирику Пушкина, снижали ее историческую роль, отрывали Пушкина от революционного движения его времени.

Критическое изучение конкретных первоисточников, относящихся к теме «Пушкин и декабристы», начатое в работах П. Е. Щеголева, продолженное в исследованиях Ю. Н. Тынянова, С. Я. Гессена, А. Н. Шебунина, М. В. Нечкиной, идет крайне медленными темпами. Результаты этого изучения на сегодняшний день весьма скромны. Задачей настоящей лекции и является поэтому, во-первых, уточнение некоторых методологических вопросов, связанных с проблематикой «Пушкин и декабристы», и, во-вторых, освещение политической эволюции Пушкина на основе изучения его подпольных произведений 1817—1825 гг., осмысляемых, в свою очередь, на конкретном фоне политической действительности этой поры.

2

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривалось лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории», — писал Ленин 30 ноября 1916 г. Инессе Арманд⁵.

Удовлетворяет ли этим основным законам исторического исследова-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

ния изучение фактов политической биографии Пушкина? — К сожалению, нет. Мы не только не знаем, в какой связи стоят с задачами агитационно-пропагандистской работы декабристов такие шедевры политической лирики Пушкина, как ода «Вольность», «Ноэль», «Деревня», «Послание к Чаадаеву», «Кинжал», но и очень смутно представляем себе хронологическую последовательность этих произведений. А шатания в области хронологии обуславливают неясность представлений и об идеологической эволюции Пушкина в пределах 1817—1821 гг. Совпадает ли эволюция Пушкина этих лет с эволюцией декабризма? Какие течения в последнем, либеральное или демократическое, более близки Пушкину и с какими моментами в деятельности тех или иных тайных организаций декабристов политическая лирика Пушкина корреспондирует? Чем объясняются такие противоречия в политических декларациях Пушкина, как воззвание к Александру I в «Деревне» («Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный И рабство, павшее по манию царя») и призыв к разрушению «самовластия» в «Послании к Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы Не долго нежил нас обман»)? Что чему здесь предшествует, т. е. движется ли Пушкин от реформизма к революции или наоборот?

* *
*

Самая ранняя из декабристских тайных организаций — Союз Спасения, или Истинных и Верных Сынов Отечества, получил начало в первые месяцы 1816 г., организационно оформился лишь в феврале 1817 г. Это была очень замкнутая и строго законспирированная группа заговорщиков, насчитывавшая даже через год своей работы, по показаниям Сергея Трубецкого, «не более 10—12 членов». К сентябрю 1817 г. число это, вероятно, удвоилось, но сфера влияния Союза не сделалась от этого значительно шире. В члены Союза Спасения принимались по строжайшему отбору только офицеры гвардейских полков и Генерального штаба. Пушкин встречался с некоторыми из членов Союза у Карамзина, у Чаадаева, в «Арзамасе», но даже о существовании этой тайной организации, видимо, и не подозревал. Не пользуясь в 1816—1817 гг. по самым своим летам еще никаким политическим авторитетом, ничем серьезным не обеспечив еще своего положения в литературе и не принадлежа, наконец, к составу гвардейского офицерства, вне которого Союз Спасения не вербовал своих членов, Пушкин не представлял еще никакого интереса для первой тайной организации будущих декабристов.

Первым дебютом Пушкина, как политического поэта, принято считать оду «Вольность», написанную в 1817 г. Дату эту подтверждают, однако, не объективные факты, относящиеся к 1817—1818 гг., а позднейшие автопризнания Пушкина, имевшего серьезные основания отрицать более позднее происхождение этой оды. Однако, если датой написания «Вольности» и является 1817 г., то это был лишь самый его конец. Об этом свидетельствует дневник С. И. Тургенева, в котором 1 декабря 1817 г. сохранилась исключительно ценная запись: «Мне опять пишут о Пушкине, как о развертывающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность, и вместо оплакивания самого себя пусть первая песнь его будет: *Свободе*».

Пушкин был очень тесно связан в эту пору с обоими братьями С. И. Тургенева. Поэтому представляется весьма вероятным, что его «Вольность», или как она называется в большей части списков, «Ода к свободе», явилась прямым ответом на вызов С. И. Тургенева и его политических единомышленников — русских «либералистов» 1817 г.

В оде «Вольность» Пушкин ориентируется как на образец на одноименную оду Радищева. Именно «вослед Радищеву» он хочет «воспеть свободу миру, На тронах поразить порок». Создавая свой гимн свободе,

Пушкин вспоминает и другого своего предшественника на этом пути — автора «Марсельезы». Победный гимн французской революционной демократии был еще у всех в памяти, у всех на устах. «Благородный след того возвышенного галла», о котором шла речь во второй строке «Вольности», был след именно Руже де Лилля:

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Задуманная как революционный гимн, ода уже с третьей строфы перестраивается в политическую декларацию, в стихотворное «рассуждение» типа оды Радищева, с широкими идеологическими обобщениями, с богатой исторической документацией, с предельно-точными лозунгами, имеющими в виду, однако, уже не революционную самодеятельность народных масс, а «мощные законы» конституционной монархии. Ода, начавшаяся призывом к революции («Тираны мира! Трепещите!», «Восстаньте падшие рабы»), кончается обращением к разуму и сердцу «царей»:

Склонитесь первые главой
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Пушкинская ода получила распространение не раньше лета 1819 г. До этого времени ее не знает не только русская общественность, но даже самые близкие Пушкину люди. Прокламации, даже стихотворные, не пишутся для письменного стола. Для того чтобы согласовать авторскую датировку оды 1817 годом с фактом ее переписки самим Пушкиным и распространением только в 1819 году, мы выдвигаем предположение о возможности работы Пушкина в конце 1817 г. над той редакцией оды, которая до нас не дошла и от которой сохранились лишь начальные строфы. Летом 1819 г. Пушкин возвращается к старому замыслу и создает ту редакцию «Вольности», которая известна нам сейчас. Подтверждением нашего предположения является и отмеченное выше несоответствие революционной патетики первых двух строф пушкинской оды политическим установкам, и материалу ее остальных частей. Рассматривая оду «Вольность» как факт биографии Пушкина, мы не можем не учитывать *возможности* ее написания в 1817 г., но для историка декабризма эта дата не существует, ибо временем вхождения оды Пушкина в литературный и общественный оборот является год 1819. Именно в эту пору ода «Вольность» органически входит в агитационно-пропагандистскую литературу Союза Благоденствия и является существенным звеном в истории взаимоотношений Пушкина и декабристов. Члены же Союза Спасения одой «Вольность» не располагали и ничего не знали о ней.

В августе 1817 года центр политической жизни переместился почти на целый год в Москву. Вместе с войсками гвардии и царским двором в Москве оказались и руководящие деятели Союза Спасения. Их встречи и совещания в Москве закончились коренной реорганизацией тайного общества. На развалинах Союза Спасения родился новый Союз — Союз Благоденствия, политическая партия с тщательно разработанным Уставом, с широкой программой конкретных действий, рассчитанных не на дворцовый переворот, а на длительную борьбу с самодержавием, на постепенное «овладение мнением общественным». Большая работа именно в последнем направлении была необходима, «дабы, — как говорил Пестель, — общее мнение революции предшествовало».

Деятельность Союза Благоденствия в Петербурге начинает развеваться не раньше осени 1818 г. К этому времени относится и замечательный рассказ Катенина, только что возвратившегося из Москвы в столицу, о его встрече с Пушкиным. Катенин принадлежал к числу тех членов Союза Спасения, которые отказались принять новый Устав как недостаточно обеспечивающий интересы скорейшего государственного переворота. Пушкин, конечно, еще ничего не знал об этом, и в его глазах Катенин продолжал оставаться одним из ведущих деятелей тайной организации, к которой он, по свидетельству И. И. Пущина, так тянулся. Вот рассказ Катенина:

«Гость встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою палку и говоря: «Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи». — «Ученого учить — портить», отвечал я, взял его за руку и повел в комнаты; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился, время неприметно прошло... Помнится, с самого начала спросил он: «Каковы мне кажутся его стихотворения?» Я, по неизлечимой болезни говорить правду, сказал, что легкое дарование приметно во всех, но хорошим почитаю только одно, и то коротенькое: «Мечты, мечты! Где ваша сладость?...»

В двух отношениях интересен для нас рассказ Катенина. Во-первых, он ярко характеризует тягу Пушкина к Катенину не только как к литературному критику и теоретику, но и как к определенной политической личности, как к подлинному «учителю». Во-вторых, этот же рассказ удостоверяет, что в литературном формуляре Пушкина осенью 1818 г., так же как в 1817 г., еще не было ничего значительного в общественно-политическом плане. Если бы Пушкин к этому времени был уже автором «Вольности» или «Послания к Чаадаеву», Катенин не позволил бы себе третиловать его как автора элегического фрагмента «Мечты, мечты! Где ваша сладость?». С тех же позиций, что и Катенин, должны были рассматривать Пушкина и руководители Союза Благоденствия. Пушкин в их глазах продолжал оставаться талантливым, может быть, даже гениальным юношей, «лицейским Пушкиным», автором нескольких элегических и антологических стихотворений и дружеских посланий. Никаких оснований для привлечения Пушкина в тайное общество не давала и его работа над первыми песнями «Руслана и Людмилы»: «Как ни велик талант «Сверчка», — отмечал Батюшков в письме от 10.IX 1818 г. к А. И. Тургеневу, — он его промотает, если... Но да спасут его музы и молитвы наши».

Вопрос о возможности включения Пушкина в ряды тайного общества на этот раз осложнился тем «образом жизни» молодого поэта, жалобами на который полны свидетельства едва ли не всех его друзей и знакомых этой поры: «По выходе из лицея, — резюмировал рассказы об этом брат поэта, — Пушкин вполне воспользовался своею молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям».

Эта линия поведения вызывала резкие нарекания на Пушкина в кругу того «Общества умных», которое заправляло делами Союза Благоденствия в Петербурге. Вспоминая в набросках своего «Романа в письмах» 1818 год, Пушкин писал: «В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпаг: нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами». Ср. в «Русском Пеламе»: «Общество умных (И. Долгоруков, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев etc)».

Пушкин в эту пору еще ни с какой стороны не отвечал тем высоким требованиям, которые предъявлялись каждому члену тайного общества основными параграфами его Устава. Этот Устав (так называемая «Зеле-

ная книга») очень строго регламентировал нормы поведения каждого члена Союза: «Всякий член Союза должен для подаяния примера согражданам отличным образом исполнять как семейные, так и общественные обязанности. Во всех поступках оказывать благородство и высоту души, добродетельному человеку свойственные. Не расточать попустому время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих... Словом: он должен как в помышлениях, так в важных и даже незначущих делах возвышаться над толпою беспечных, безумствующих и порочных людей» («Зеленая книга», кн. IV, § 26). Пункты этого Устава объясняют, почему Пушкин не решился в 1818—1819 гг. принять Пушкина в тайное общество или хотя бы информировать о работе последнего: «Я... не решался верить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня».

Однако все то, что пугало Пушкина в молодом поэте, отнюдь не вовсе закрывало для Пушкина двери тайной организации. Руководители Союза Благоденствия трезво учитывали необходимость большой воспитательной работы в самых широких кругах русской интеллигенции для постепенного включения ее верхов в ряды тайного общества. Этой цели прежде всего должны были служить так называемые «вольные общества», учреждение которых предусматривалось специальными параграфами Устава Союза: «Вольными обществами называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне оного находящиеся. Учреждение оных и продолжение вменяется в особую заслугу членам Союза — имена их вписываются в почетную книгу. Для составления таковых обществ необходимо, однако ж, позволение Коренного Союза. Приискаание причин для оных предоставляется совершенно воле основателя, равно как и образование, число членов и предмет занятий. В оных должны быть порождаемы и укрепляемы: *согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству*». (Кн. 3, гл. V, §§ 48—52).

В секретной записке о Союзе Благоденствия, составленной предателем М. К. Грибовским и представленной царю через генерала А. Ф. Бенкендорфа в мае 1821 г., формам организации этих «вольных обществ» или «побочных управ» (управами назывались отдельные ячейки тайного общества) уделялось очень много внимания.

«Члены, приготовляемые мало-помалу для Управы или долженствовавшие служить орудиями, составляли побочные управы, под председательством одного члена Коренной, назывались для прикрытия разными именами (Зеленой Лампы и пр.) и под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ собирались как можно чаще».

«Председатели побочных Управ получали от Коренной наставление, чем занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения, какие разглашать слухи и выдумывать карикатуры, кого из знатных стараться чернить в общем мнении, как судить о действиях правительства и пр.».

Самой крупной, самой влиятельной и долговечной из этих «Побочных Управ» Союза Благоденствия явилось общество «Зеленая Лампа», организованное капитаном Генерального штаба Я. Н. Толстым, при ближайшем участии вождей Союза Ф. Н. Глинки и кн. С. П. Трубецкого.

Именно через «Зеленую Лампу» осуществлялось прямое и непосредственное воздействие Союза Благоденствия на литературную и театральную общественность Петербурга. Общество открыло свои действия зимою 1818—1819 года. Одним из первых в состав членов этого филиала Союза Благоденствия был принят Пушкин.

В своем послании из Кишинева к друзьям по «Зеленой Лампе» («Горишь ли ты, лампада наша?») Пушкин дал, видимо, очень точную зарисовку той части заседания «Зеленой Лампы», которая не получила отражения в ее официальных протоколах:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство;
Где своенравный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шалуна,
И разгорались наши споры
От искр, и шуток, и вина.

«Я был один из первых установителей сего общества и избран первым председателем, — писал в своем покаянном письме к царю от 26.VII. 1826 г. Я. Н. Толстой, — оно получило название «Зеленой Лампы» по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. Под сим названием крылось, однако же, двусмысленное поразумение и девиз общества состоял из слов: *Свет* и *Надежда*; при чем составлены также кольца⁶, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу... Статут приглашал в заседаниях объясняться свободно и каждый член давал слово хранить тайну».

Приводные ремни от Тайного Общества к Пушкину шли, разумеется, не только через «Зеленую Лампу», но как основная форма организационной связи Пушкина с Союзом Благоденствия именно «Зеленая Лампа» представляет для нас исключительный интерес.

Успешный разворот деятельности «Зеленой Лампы» подсказал в феврале—марте 1819 г. Н. И. Тургеневу план организации «Общества 1819 года XIX века», основной целью которого явилось создание большого общественно-политического и литературного журнала. Этот журнал должен был проводить в самые широкие массы читателей «общие правила гражданственности» в том понимании этих начал, какое Союз Благоденствия считал обязательным для всех своих членов. Из этой затеи ничего не вышло, но необычайно характерно, что в числе тех десяти участников предварительных совещаний, которых Н. И. Тургенев упоминал в членах-учредителях этого полуполигального общества вместе с Никитой Муравьевым, Ф. Глинкой, М. Грибовским, Куницыным, Бурцевым, Колошиным и Пушиным, был и Пушкин.

Ставя вопрос о воздействии Союза Благоденствия на литературно-политическую эволюцию Пушкина, мы прежде всего должны иметь в виду, что вся литературная политика Союза диктовалась интересами борьбы за утверждение русской национально-демократической культуры, за ликвидацию иноземных влияний в быту, в искусстве и в литературе. Для установок «Зеленой Лампы» очень характерно «Письмо к другу в Германию», сохранившееся в остатках архива этого тайного общества. Автор «Письма», протестуя против «рабского подражания иностранному», «задерживающему истинное развитие искусства», отмечает: «Костюм, который более всего нравится в России иностранцам, — это костюм национальный. Нет ничего грациознее русской женщины; русские песни — самые трогательные, самые выразительные, какие только можно услы-

⁶ Что смолкнул веселия глас?

Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
«Вакхическая песня» (1825 г.).

шать... Итак, не подбирая жалким образом колосья с чужого поля, а разрабатывая собственные богатства, которыми иностранцы воспользовались раньше нас самих, мы сможем когда-нибудь соперничать с французами, и после того, как мы отняли у них лавры Марса, мы будем оспаривать и лавры Аполлона».

Литературно-политическая платформа Союза Благоденствия — это платформа Катенина, Гнедича, Грибоедова, В. Ф. Раевского, Кюхельбекера, Рылеева, А. Бестужева. Эта платформа становится после вхождения Пушкина в «Зеленую Лампу» органической частью и его собственной литературной программы.

Общие идеологические установки и конкретные литературно-политические задания Союза Благоденствия обуславливают рождение и расцвет политической лирики Пушкина и его же политической сатиры.

До вступления Пушкина в «Зеленую Лампу» русская общественность не знала ни одного произведения Пушкина, хоть сколько-нибудь значимого в социально-политическом отношении. Живой контакт с тайной организацией обуславливает создание одного за другим таких произведений, как «Ноель» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот!»), как «Ответ на вызов написать стихи в честь имп. Елизаветы Алексеевны» (нач. марта 1819 г.), как «Холоп венчанного солдата» (нач. апреля 1819 г.), как «Деревня» (июль 1819 г.), как «Вольность» (июль—август 1819 г.), как эпиграммы на Аракчеева («Всей России притеснитель»), на Голицына, на Фотия, как «Послание к Чаадаеву» (март—апрель 1820 г.). Все это — продукция каких-нибудь 14 месяцев. Пушкин политически «клокочет» сам и заставляет «клокотать» умы всех своих современников. Мы несколько не склонны полагать, что влияние платформы Союза Благоденствия всегда являлось фактом благотворным. Под воздействием лидеров правого фланга Союза (Ф. Н. Глинка, Н. И. Тургенев) Пушкин иногда вынужден был идти в своих декларациях на уступки, которым сам явно не сочувствовал. Его широкий демократизм, его ненависть к абсолютизму, его воинствующий атеизм и народолюбие обычно перехлестывали те рамки, которыми ограничена была политическая мысль петербургских вождей Союза Благоденствия этой поры. Даже выполняя прямые литературно-политические поручения Союза («Ответ на вызов...», переделка «Вольности», концовка «Деревни» с ее мнимыми надеждами на царя), Пушкин обычно шел впереди своих заказчиков, подсказывая им более правильные решения тех задач, которые они ему навязывали. Поэтому легальные и нелегальные произведения Пушкина и сыграли в общереволюционном подъеме всей страны накануне 14 декабря несравненно более крупную роль, чем вся прочая, вместе взятая, агитационно-пропагандистская литература декабристов.

3

Исключительно важным моментом в истории тайных организаций декабристов было появление в Петербурге в январе 1820 г. Пестеля. Он пробыл здесь около четырех месяцев, оказывая огромное влияние во все время своего пребывания на верхушку Союза Благоденствия и связанную с последним передовую общественность столицы. Процесс изживания либеральных иллюзий пошел убыстренными темпами. Крепнущему курсу александровской реакции необходимо было потивопоставить новую программу борьбы. «Стон народа раздается от Петербурга до Камчатки, но он теряется на неизмеримом пространстве, — отмечал в своем дневнике, встречая новый, 1820 год, Н. И. Тургенев. — Гнусность всего, что я должен видеть, не может внушить мне ничего сильного, кроме сильной ненависти, сильного презрения...»

По инициативе Пестеля в начале 1820 г. создано было в квартире

полковника Ф. Н. Глинки «собрание всех наличных в Петербурге коренных членов Союза», председателем которого в эту пору числился гр. Ф. П. Толстой, а «блюстителем» кн. И. А. Долгорукий. На заседании присутствовали, кроме них, Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, М. С. Лунин, Ф. Н. Глинка, И. П. Шипов, П. И. Колошин, А. Ф. Бриггер, С. М. Семенов (Показания Пестеля от 131.1826 г.).

На этом собрании поставлены были на обсуждение основные программные вопросы, не ставившиеся со времени утверждения на Московском съезде в 1818 г. «Зеленой книги». Пестелю было предложено открыть дискуссию, изложив «все выгоды и все невыгоды как монархического, так и республиканского правления, с тем чтобы потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения. Сие так и было сделано. Наконец, после долгих разговоров, было прение заключено и объявлено, что голоса собираться будут таким образом, чтобы каждый член говорил чего он желает: монарха или президента.. Каждый при сем объявлял причины своего выбора, а когда дело дошло до Тургенева, он сказал по французски: «Le président sans phrases», т. е. «Президент без дальних толков». В заключение приняли все единогласно республиканское правление... С сего времени, — заключал Пестель свои показания, — республиканские мысли начали брать верх над монархическими.

Мог ли пройти бесследно для Пушкина этот поворот в истории русской общественно-политической мысли? Мог ли не реагировать Пушкин — так или иначе — на этот подъем политического активизма Союза Благоденствия, с руководителями которого он был связан многолетними дружескими отношениями, с которыми он постоянно встречался в эту пору, поддерживал не только личный, но и определенный политический контакт через «Зеленую Лампу»? Не только изменились цели, изменилась и тактика.

В таком же положении, как и Пушкин, был его друг Чаадаев. В конце февраля в Петербург приехал после двухлетнего отсутствия И. Д. Якушкин, один из старейших и деятельнейших членов Союза Спасения и Благоденствия. У Чаадаева, который был его старым приятелем и сослуживцем еще по Семеновскому полку, Якушкин познакомился с Пушкиным («Записки Якушкина», стр. 48). Впечатления И. Д. Якушкина от Петербурга этой поры очень симптоматичны и, видимо, совершенно совпадали с кругом наблюдений и Чаадаева, и Пушкина. Прежде всего ему бросился в глаза необычайный подъем оппозиционных настроений в столице: «Число членов Союза Благоденствия очень возросло; правда, многие из прежних членов охладели, почти совсем отделились от Общества; зато другие жаловались, что Тайное Общество ничего не делает. По их понятиям, создать в Петербурге общественное мнение и руководить им была вещь ничтожная; им хотелось бы от Общества теперь уже более решительных приготовительных мер для будущих действий... Во всех членах Союза Благоденствия проявилось какое-то ожесточение против царствующего императора; и в самом деле, он с каждым днем становился мрачнее и все более и более отчуждался от России. Граф Аракчеев уже явно управлял государством. Члены Государственного Совета и министры относились к нему по повелению императора в большей части случаев, где требовалось высочайшее разрешение».

Вот обстановка, объясняющая подъем политического активизма и Чаадаева, долгое время стоявшего в стороне от декабристских организаций.

Мощный толчок к разворачиванию новых форм революционной работы в Петербурге именно в это время дан был известиями о победе революции в Испании. «Вчера получили здесь известие, что король Испанский объявил конституцию кортесов, — отмечал в своем дневнике 24.III 1820 г. Н. И. Тургенев. — Слава тебе, славная армия испанская!

Слава испанскому народу! Во второй раз ГИСПАНИЯ доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к Отечеству... Нынешние инсургенты, сколько можно судить по газетам, вели себя благородно. Объявили народу, что хотят конституции, без которой ГИСПАНИЯ не может быть благополучна; объявили, что, может быть, предприятие их не удастся, они погибнут все жертвами за свою любовь к отечеству, но, что память о сем предприятии, память о конституции, о свободе будет жить, останется в сердце испанского народа... Может быть, ГИСПАНИЯ покажет возможность чего-нибудь такого, что по сию пору мы почитали невозможностию» (Дневники Тургенева, т. III, стр. 226).

«Еще большая новость — и эта последняя гремит по всему миру, — пишет 25.III 1820 г. П. Я. Чаадаев брату, — революция в Испании закончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 г. Целый народ восставший, революция, законченная в 6 месяцев, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакой резни, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом, — ничего, что могло бы запятнать столь прекрасное дело, что вы об этом скажете? Происшествие послужит отменным доводом в пользу революций. Но во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся, — сказать ли? Доверить ли мне этому нескромному листку? Нет, я предпочитаю промолчать; ведь уже теперь толкуют, что я демагог! Дураки! Они не знают, что тот, кто презирает мир, — не думает об его исправлении».

Со своих прежних позиций — отказа от попыток «исправления» якобы презираемого им мира Чаадаев в это время уже явственно, однако, отходил. Отходил под влиянием не только учета событий в Испании, но и того живительного перелома, который произвел в общественной жизни Петербурга этой поры приезд Пестеля и подъем политического активизма Н. И. Тургенева.

27.III 1820 г. Н. И. Тургенев пишет Чаадаеву: «Вчерашний разговор утвердил еще более во мне то мнение, что вы много можете споспешествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего святого дела главный предмет ваших забот, ваших размышлений».

Именно в это же время, отражая новый этап в истории борьбы с абсолютизмом и крепостничеством, одновременно как бы откликаясь и на новую платформу Тайного Общества, продиктованную Пестелем, и на новую тактику, подсказанную русским борцам с «самовластием» событиями в Испании, Пушкин обращается со своим знаменитым посланием к Чаадаеву, призывая его отказаться от всяких сомнений в возможностях преобразования того «мира», который Чаадаев еще недавно так «презирал».

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Эта вера в «звезду пленительного счастья», ожидающего Россию после уничтожения «самовластья», необычайно роднит послание Пушкина с признаниями Пестеля об этой же поре его политической биографии: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении. Когда с прочими членами, разделяющими мой образ мыслей, рассуждал я о сем предмете, то, представляя себе живую картину всего счастья, коим Россия, по нашим понятиям, тогда бы пользовалась, входили мы в такое восхищение и, сказать можно, восторг, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что способствовать могло бы полному введению и совершенному укреплению сего порядка вещей».

Как и Пестель, Пушкин чужд каких-либо сомнений и колебаний. Нетерпеливое ожидание призыва к восстанию, предвкушение его победы, апофеоз «святой вольности», которая должна обеспечить подъем родного народа, — вот что определяет политический пафос послания «Любви, надежды, тихой славы», совершенно необъяснимый вне фактов политической жизни Петербурга и личных биографий Пушкина, Чаадаева, Пестеля, Н. И. Тургенева, Якушкина и всех их товарищей и единомышленников именно весной 1820 г.

Послание Пушкина к Чаадаеву было не только одним из самых больших достижений его политической лирики. Им как бы завершился и весь петербургский, первый этап его творческого пути, неразрывно связанный с агитационно-пропагандистской работой Союза Благоденствия и его подсобных подпольных, легальных и полулегальных организаций.

«Над здешним поэтом Пушкиным, если не туча, то по крайней мере, облако, и громоносное, — писал Н. М. Карамзин 19.IV. 1820 г. Дмитриеву, — служа под знаменем либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий».

Мы сейчас уже знаем, что имел в виду Карамзин, информируя своего приятеля об особом внимании «полиции» к Пушкину. Об этом дошел до нас рассказ Ф. Н. Глинки, человека в эту пору очень осведомленного. Он одновременно был и одним из руководящих деятелей подпольного Союза Благоденствия, и штаб-офицером для особых поручений при петербургском военном генерал-губернаторе гр. М. А. Милорадовиче.

Неудивительно, что Пушкин прежде всего поспешил поделиться именно с Глинкой (он был его товарищем и по «Зеленой Лампе») опасениями за свою участь. «Слух о моих и не моих писках, разбежавшихся по рукам, дошел до правительства, — рассказывал Пушкин Глинке, — вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжег все мои бумаги... Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу! Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться... Вот я и шел посоветываться с вами». Видимо, советы Глинки Пушкинугодились, ибо когда «часа через три» Глинка зашел к Милорадовичу, последний встретил его словами: «Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин. Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счел более деликатным пригласить его к себе и уж от самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, с светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: «Граф! Все мои стихи сожжены! У меня ничего не найдете в квартире, но если вам угодно, все найдется

здесь (указал пальцем на свой лоб). Прикажете подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем». Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйте! Завтра я отвезу ее государю...»

«На другой день я пришел к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя и первым словом его было: «Ну, вот дело Пушкина и решено!» И продолжал: «Я подал государю тетрадь и сказал: «Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать». Государь улынулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас дело было. Государь слушал внимательно, а наконец, спросил: а что же ты сделал с автором?— «Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!» Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: «не рано ли?!» Потом, еще подумав, прибавил: «ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг!». Вот как было дело»⁷.

Документальные данные о высылке Пушкина из Петербурга на юг в общем и целом подтверждают воспоминания Глинки. До нас не дошла только та «тетрадь», в которой рукою Пушкина внесены были все «презревшие печать» политические агитки и эпиграммы конца 10-х и начала 20-х годов. Так или иначе, но Пушкин был *первым* представителем декабристской интеллигенции, репрессированным за свою открытую борьбу с абсолютизмом.

Высылка в мае 1820 г. из Петербурга в Кишинев сменилась принудительной службой в Одессе, служба в Одессе прервана была в 1824 г. ссылкой в Михайловское. Как политический ссыльный, постоянно находящийся в сфере наблюдений органов тайной и явной полиции, Пушкин не мог уже никак рассчитывать на прием в Тайное общество. Это было исключено условиями самой элементарной конспирации. Поэтому, несмотря на самую тесную связь в 1820—1822 гг. с такими деятелями Союза Благоденствия, как В. Ф. Раевский, М. Ф. Орлов, П. С. Пущин, К. А. Охотников, несмотря на знакомство с Пестелем, Волконским, В. Л. Давыдовым и др., Пушкин никак не мог быть принятым в Тайное общество ни в Кишиневе, ни в Тульчине, ни в Каменке, ни в Одессе.

Ничего не изменила в этом отношении и ссылка Пушкина в Михайловское. Правда, еще И. И. Пущин в 1819 г. успокаивал Пушкина тем, что он «лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его «Деревня», «Ода на свободу», «Ура! В Россию скачет кочующий деспот» и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов». Это же подтвердил Пушкину в ноябре 1820 г. в Каменке и декабрист Якушкин, рассказывая о том, что «все его ненапечатанные сочинения: «Деревня», «Кинжал», четырехстишие к Аракчееву, послание к Петру Чаадаеву и много других— были не только все известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть».

Из политических стихотворений, написанных Пушкиным за время ссылки, использован был декабристами в агитационно-пропагандистских целях и получил широчайшее распространение только «Кинжал»:

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды...

⁷ «Русский архив», 1886, стр. 918.

Очень характерно, что декабрист Бестужев-Рюмин во время следствия 1826 г. обвинялся в том, что использовал стихотворение Пушкина для поднятия революционного активизма только что принятых в Южное Тайное Общество членов организации «Соединенных Славян»: «Вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть соч. Пушкина под названием «Кинжал», которое тут же написали своею рукой и отдали Спиридову, а он, Громницкий, списал для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидетельствуют как Спиридов и Тютчев, так и Лисовский. Капитан же Пыхачев показывает, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всем членам вольнодумческие стихи Пушкина».

М. П. Бестужев-Рюмин признал «совершенную справедливость» этих обвинений, отметив, что «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».

4

Цикл декабристской лирики Пушкина завершается стихотворением «Андрей Шенье в темнице». В этом произведении, написанном в Михайловском в январе 1825 г., получили предельно ясное отражение настроения поэта, переживающего сомнения в правильности избранного им пути. Он уже готов как будто бы признать ошибкой свое включение в общественно-политическую работу:

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраняемую домашними богами.

Но эти сомнения, эти колебания поэтом отбрасываются. Нет, выбор сделан правильно! «Цитеры слабая царица» не может быть объектом поклонения подлинного поэта, кровно связанного со всей страной, живущего ее радостями и ее печальями. Пушкин как бы вспоминает свою «Вольность», «Деревню», «Кинжал», «Послание к Чаадаеву», эпиграммы на царя, на Аракчеева, на Фотия, на Стурдзу, на Воронцова. Сомнениям не может быть места:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных.
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных.

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь.
Моей главой играй теперь:
Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный,
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный,
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодование
Воспрянет, наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок...

В этих стихах речь шла как будто бы об А. Шенье и Робеспьере. Но не случайно именно некоторые строфы «А. Шенье» Пушкина после восстания 14 декабря пошли по рукам в функции актуальной политической агитки, с новым заголовком «На 14-ое декабря». Сам Пушкин еще в мае 1825 г. писал Вяземскому: «Читал ты моего «А. Шенье в тамнице?» Суди о нем, как иезуит, по *намерению*».

При первых известиях о смерти Александра I Пушкин открыто подтвердил политическую двулланность своей элегии, в которой речь шла, конечно, не о Робеспьере, а о только что умершем царе: «Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына и etc». (Письмо к Плетневу от 4.XII 1825 г.).

Поэтом декабризма Пушкин продолжает сознавать себя и после краха восстания. В этом отношении характерно не только «Послание в Сибирь» (1827 г.). Пафос этого посланья мог определяться, конечно, особенностями назначения этих стихов — поднять бодрость «друзей, братьев, товарищей», осужденных прозябать в «каторжных норах». Гораздо более ответственным представляется нам «Арион», анонимно опубликованный Пушкиным в «Литературной газете» в 1830 г. «Арион» предшествовал знаменитой сожженной главе «Онегина», в которой Пушкин выступал уже не как поэтический трибун, а скорее, как историк поколения, впервые заявившего себя на исторической арене в «грозу 12-го года» и выброшенного из жизни трагедией 14 декабря. Сама публикация «Ариона» — акт исключительного гражданского мужества. Эти стихи, написанные еще, вероятно, в 1826 г., по понятным причинам не могли рассчитывать на печать, так как вся их символика была слишком прозрачна, особенно в устах Пушкина. Прошло около 4-х лет. За плечами Пушкина был уже не только процесс декабристов, но и два военно-судных «дела», непосредственно его задевавших — о распространении «Андрея Шенье» и о «Гавриилиаде». В результате последнего из этих процессов Пушкин официально отдан был под присмотр полиции. Над ним тяготел и тройной цензурный надзор (цензура общая, цензура III Отделения и личная цензура царя). Пушкин не мог не понимать, чем грозит ему дознание об «Арионе», если стихами этими заинтересуется Бенкендорф и потребует раскрыть имя их автора. И тем не менее Пушкин пошел на этот риск, оправдать который могло только страстное желание поэта ответить на те клеветнические толки о его идейной якобы капитуляции, которые широко распространились по всей стране в связи с его «Стансами» («В надежде славы и добра») и посланием «Друзьям» («Нет, я не льстец»). Моральную необходимость каких-то объяснений с читателем Пушкин особенно остро почувствовал после своих встреч в Закавказье в 1829 г. с осколками разбитой армии декабристов. Во время путешествия в Арзрум Пушкин намечает и неизвестный нам из других источников план окончания «Онегина», о котором рассказывает М. В. Юзефович, план, согласно которому Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов («Рус. архив», 1880, III, стр. 443).

«Арион» — это поэтическая исповедь в форме передачи якобы античного мифа:

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,

На берег выброшен грозою.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце, под скалою.

Пушкин никак не отделяет себя от декабристов. Он понимает и подчеркивает *случайность* своего спасения, но не собирается изменять своему знамени, знамени первых русских революционеров: «Я гимны прежние пою». Именно так понят был Пушкин и лучшими из своих современников. Именно так понят был смысл его творческой работы и Герценом.

* *
*

Были, конечно, проблемы, особенности постановки и решения которых декабристами не могли уже удовлетворять Пушкина. Но и здесь Пушкин шел не назад, в чем его упрекали когда-то наши народники и совсем недавно наши вульгарные социологи, а *вперед*. Мы имеем здесь в виду прежде всего отношение Пушкина к западноевропейской и американской культуре, к буржуазии и ее политическим институтам, к буржуазному парламентаризму и пр.

Декабристы трактовали эти вопросы очень абстрактно, располагая опытом только первой французской революции и национально-освободительной борьбы в странах Европы в начале 1820-х годов. Пушкин располагал уже уроками революции 1830 г. и опытом многолетней диктатуры буржуазии в США.

Пушкин был первым русским писателем, сигнализировавшим в своих писаниях не только загнивание буржуазной культуры, но и бедствия западноевропейского промышленного пролетариата: «Прочитайте жалобы английских фабричных работников: волоса станут дыбом от ужаса, — писал Пушкин в V главе «Путешествия из Москвы в Петербург». — Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой, какая страшная бедность. Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян? Совсем нет: дело идет о сужнах г. Смита или об иголках г. Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона».

Еще более красноречива пушкинская характеристика США в «Джоне Теннере». Сурово осуждая американскую буржуазию за ее «отвратительный цинизм», за ее «жестокие предрассудки», за ее лицемерие и «нестерпимое тиранство», Пушкин писал: «Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие» (1836 г.).

Вот чем навеяны и трагические строки предсмертных стихов Пушкина «Из Пиндемонта»:

Не дорого цену я громкие права,
От коих не одна кружится голова,
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Иль мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова...

Одним из первых в мире Пушкин выступил с резкой критикой капиталистической действительности, которая являлась плодом побед буржуазных революций в Западной Европе и в Америке. Сохраняя и отстаивая свои убеждения в необходимости скорейшей ликвидации крепостного

строю, Пушкин решительно отвергал единственный исторически известный западноевропейский путь к этому — буржуазную революцию и искал *новых путей* к достижению своих идеалов. Это отличало Пушкина от декабристов, но это же делало его много ближе нам.

Задачи, за разрешение которых боролись декабристы и Пушкин, — ликвидация абсолютизма и крепостничества — на долгие годы остались основными задачами русского освободительного движения. В. И. Ленин недаром считал, что мы должны гордиться декабристами: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? — писал он в знаменитой статье «О национальной гордости великороссов». — Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. девять десятых ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов. Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов...»⁸. Эта же среда выдвинула и Пушкина.

Гоголь в своей замечательной статье о Пушкине, которую так широко популяризировал Белинский, писал: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным: это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространства. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится *через двести лет*. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

«Русский человек в его развитии» — вот в чем суть народности Пушкина. Он как бы концентрировал в себе и опыт прошлого своего народа и возможности его будущего. Поэтому-то Пушкин, по словам Белинского, «принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее».

После разгрома декабристов Пушкину пришлось жить и работать в условиях жесточайшего цензурно-полицейского террора. «Душою всех мыслящих людей овладела глубокая грусть, — писал об этой поре николаевской реакции Герцен. — Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений. Эта песнь продолжала эпоху прошлую (т. е. декабристскую. — Ю. О.), наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением».

Эти замечательные формулировки автора «Былого и дум» исключительно точно определяют значение и роль Пушкина в истории русской демократической культуры. В самую мрачную эпоху, когда даже переловые люди не видели просвета в будущее, в глухую ночь николаевщины, Пушкин внушал своим друзьям, томящимся в сибирских рудниках, надежду, что:

---

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 107.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа
И братья меч вам отдадут.

Пушкин жадно впитывал мысли

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

В стихах и прозе Пушкина давал знать о себе народ, не поддающийся унынию и безнадёжности. Тем и дорог, тем и велик, за то и любим нами Пушкин, что задолго до победы народа поэт выразил его силы, его возможности, его стремление к разумной и справедливой жизни.

Победа народа была победой и Пушкина.

Пушкин не остановился там, где готовы были остановиться декабристы. Стремление к ликвидации крепостничества и абсолютизма сплелось у Пушкина с мечтой о полном и совершенном освобождении человеческой личности, мечтой о таких отношениях между людьми, какие могут быть осуществлены только в бесклассовом, социалистическом обществе. Вот почему нашей современности, нашему настоящему пафос свободы, пронизывающий пушкинское творчество, ближе и понятнее, чем прошлым поколениям. В нем, в этом пафосе, мы видим предвестие того, что для нас стало явью.